

Алексей Круглов
(Москва)

И. П. ХМЕЛЬНИЦКИЙ В КЁНИГСБЕРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ XVIII ВЕКА

Дается обзор деятельности И.П. Хмельницкого в Кёнигсбергском университете в 1760-е годы; исследуется ее идейно-философский контекст, прослеживается роль и место Хмельницкого в интеллектуальной полемике середины XVIII века. Утверждается, что на философские сочинения Хмельницкого ссылался Д. Вейман в дискуссии с И. Кантом.

Ключевые слова: И.П. Хмельницкий, история философии, Кёнигсбергский университет.



Время Семилетней войны и русской оккупации Кёнигсберга стало одним из пиков присутствия русских студентов в Кёнигсбергском университете. Нельзя утверждать, что ранее их там не было вовсе¹. Тем более несправедливо и утверждение о том, что россияне не приезжали сюда учиться после того, как столица Восточной Пруссии перестала принадлежать России. Тем не менее период рубежа 50–60-х годов XVIII века совершенно особый: впервые русские студенты составили действительно значительную группу², впер-

© Круглов А., 2013

¹ См., например, архивные документы [8; 9].

² Профессор университета Фридрих Иоганн Бук (1722–1786) вспоминал, что его российская «аудитория расширилась таким образом, что я в конце концов смог насчитать в ней 24 человека, среди них несколько князей и знатных людей, другие же были буржуазного происхождения и из довольно отдаленных семей» [19, S. 1039].



вые это стало заметным явлением и начало оказывать определенное воздействие на образование в России.

О многих студентах этого времени широко известно благодаря воспоминаниям А. Т. Болотова [2]. Они дополняются документами Московского университета середины XVIII века, опубликованными еще в советское время [4]. Кроме того, некоторую информацию можно извлечь и из архивных материалов так называемой Кёнигсбергской конторы, хранящихся в РГАДА.

Однако во всех этих документах и описаниях отсутствует одна из наиболее примечательных и загадочных фигур, оставивших некоторый след в истории Кёнигсбергского университета, — потомок знаменитого украинского гетмана Иван Парфентьевич (Парфенович) Хмельницкий (1742—1794). Поскольку он попал в Кёнигсберг не из Москвы, а из Киева, то остался в тени другой группы молодых людей, которые, судя по всему, явно не обладали ни его талантами, ни его трудолюбием, ни его предварительной подготовкой.

О жизни Хмельницкого до пребывания в Кёнигсберге известно не очень много, а то, что известно, звучит довольно противоречиво. Какое-то время он обучался в Киевской духовной академии. По некоторым данным, префект этого учебного заведения Самуил (Симеон Григорьевич Миславский, 1731—1796) еще в 1758 году установил контакты с известным немецким вольфианцем Фридрихом Христианом Баумайстером (1709—1785) [11, с. 84]³. В том же году Самуил «рекомендовал профессору философии Бранденбургской академии Христиану Баумейстеру своего ученика Хмелевского (Ив. Хмельницкого), о котором Баумейстер в ответном письме отзывался так: "Достоин учитель таких учеников. Дай Бог, чтоб я счастлив был такими учениками"» [Там же, с. 90—91]⁴. Н. И. Петров, приводивший эти данные, основывался в своих утверждениях относительно Самуила, Баумайстера и Хмельницкого на найденных В. Ф. Дурдуковским в архиве Киевской духовной консистории в русском переводе отрывках переписки Самуила Миславского и Баумайстера (ср.: [14, с. 224, примеч.]).

Если ориентироваться на солидное исследование 30-х годов XX века Домета Григорьевича Олячина (1891—1970), который приводит библиографические данные о сочинениях Хмельницкого немецкого периода [30, S. 354—355, Anm.], то последний 2 августа 1760 года стал студентом Кёнигсбергского университета, изучающим математику и

³ Интерес к Баумайстеру у Самуила возник, вероятно, под влиянием его учителя Георгия (Григория Осиповича) Конисского (1717—1795) и сохранялся по меньшей мере до 70-х годов XVIII века [12, с. 30—31, 131].

⁴ См. также переписку [14]; о Бранденбургской академии см.: [Там же, с. 222, 223; 29, S. 92].



философию. Данные Оляичина об имматрикуляции Хмельницкого подтверждаются и другими документами [24].

Материалы Петрова и Оляичина не вполне согласуются друг с другом. О Баумайстере хорошо известно, что после обучения в университетах Йены и Виттенберга в 1730 году он стал магистром философии, в 1734 году — адъюнктом философского факультета университета Виттенберга, а с 1736 года до конца жизни работал директором гимназии в Герлитце⁵. Единственное известное нам учебное заведение, о котором можно было бы высказываться как о «Бранденбургской академии» применительно к середине XVIII века, — это так называемая Рыцарская коллегия, или Рыцарская академия Бранденбурга (Ritterakademie Brandenburg), которая, по сути, была военным училищем для подготовки офицеров. Если же имелась в виду Берлин-Бранденбургская академия наук, то ее членом Баумайстер не был.

Конечно, с российской точки зрения расстояние между Герлитцем и Бранденбургом не столь значительно, однако дело выглядит иначе по немецким меркам, тем более XVIII века. Из приводимого отзыва Баумайстера можно заключить, что он был лично знаком с Хмельницким. В этой связи остается предполагать, что в период между 1758 и 1760 годами Хмельницкий находился в Герлитце (или Бранденбурге?) и лишь затем отправился в Кёнигсберг. Однако, возможно, противоречия связаны с проблемой перевода или сомнительностью оригинала. Не исключено также, что фамилия Хмелевского была ошибочно идентифицирована с фамилией Хмельницкого: в документах Киевской духовной академии фигурирует фамилия Хмелевский [14, с. 224], которая однозначно соотносится с Хмельницким [5].

Кёнигсбергский период жизни Хмельницкого задокументирован, увы, тоже не без пробелов. Согласно Э. Амбургеру, вместе с Хмельницким в Кёнигсбергском университете находился будущий писатель и переводчик Богдан Егорович Ельчанинов (Елчанинов, 1744—1769/70), также ранее обучавшийся в Киевской духовной академии [17, S. 220, 231]. Были ли они в дружеских отношениях, нам неизвестно. С достоверностью можно лишь утверждать, что Ельчанинов имматрикулировался в Кёнигсбергский университет еще 24 сентября 1758 года⁶.

⁵ См. [32, S. 156]. В свою очередь эта статья основывается на биографии Баумайстера, изложенной в энциклопедии Цедлера [41, S. 246—253]. Если учесть, что том Цедлера вышел еще при жизни Баумайстера, а статья о нем с большой долей вероятности опирается на информацию, сообщенную им самим автору, то преподавание Баумайстера в Бранденбурге выглядит крайне сомнительным. Не подтверждают версию о нахождении Баумайстера в Бранденбургской академии и поздние биографические изыскания [18, S. 6—10].

⁶ См. [24, S. 469]. Вероятно, именно его как бригадира Елчанинова упоминает в своих письмах и Болотов [3].



О контактах Хмельницкого с другими русскими студентами в Кёнигсберге сказать что-то определенное тоже сложно. Точно известно, однако, что уже через два года после имматрикуляции, в августе 1762-го, он опубликовал на латыни работу, защищенную на публичном диспуте. Вероятнее всего, ни один экземпляр данного сочинения под названием «Освещение онтологических принципов» [20]⁷, посвященного президенту Санкт-Петербургской академии наук Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728–1803) – кстати, тоже бывшему студенту Кёнигсбергского университета, – в библиотеках не сохранился. Возможно, в названии содержалась определенная перекличка с более ранним сочинением И. Канта «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (1755). И если имена четырех оппонентов Хмельницкого на этом диспуте от 25 (14 по ст. ст.) августа 1762 года ни о чем нам не говорят, то имя его университетского преподавателя, под руководством которого и проходил диспут, широко известно: им был приват-доцент Даниель Вейман (1732–1795), крузианец и главный кантовский оппонент (или даже противник) 60-х годов XVIII века. У Веймана Хмельницкий точно слушал философию и, вероятно, публичное право [30, S. 357–358]. Согласно Г. К. Писански, Хмельницкий оспаривал в диспутационной работе принципы вольфианской метафизики, особенно те из них, которые выдвинул во введении к своей метафизике Баумайстер [31, S. 535–536. §311]. Все это еще раз заставляет задуматься о том, действительно ли Хмельницкий приехал в Кёнигсберг от Баумайстера.

В отличие от большинства других русских студентов, Хмельницкий остался в Кёнигсберге и после того, как русские войска покинули город [25, S. 156]. В 1763 году он опубликовал еще одно латинское сочинение по проблемам психологии [23], в котором полемизировал с кёнигсбергским магистром Готлибом Шлегелем (1739–1810), автором диссертации на психологические темы «*Dissertatio philosophica illustrans gravia quaedam psychologia dogmata*» (1763). Хмельницкий пытался показать, что все сказанное Шлегелем о простой сущности души не выдерживает критики, а доказательство ее бессмертия утверждает при помощи самых плохих аргументов. Вероятно, именно об этом сочинении Хмельницкого Вейман заявляет в полемике с Кантом:

⁷ По некоторым – впрочем, малоубедительным – данным, имелся перевод этой работы на русский язык [1, с. 362–363]. Митрополит Евгений указывает на существование рецензии этой диссертации в «Гамбургских ученых ведомостях» 1762 года (вероятно, в «*Hamburgische Nachrichten aus dem Reiche der Gelehrsamkeit*» [6, с. 240]). См. также о работах Хмельницкого: [15, с. 353]. Вероятно, в основе всех этих библиографических заметок лежало свидетельство Николая Ивановича Новикова (1744–1818), знакомого с Хмельницким [7, с. 361].

То, что Вы затронули здесь в некоторых строках, слишком важно и требует обширного трактата и найдет свое место в искомым мною выходах из философских лабиринтов. Господин Хмельницкий, один из моих самых способных юношей, отчетливо изложил этот вопрос в подготовленном им и защищенным под моим руководством трактате [37, S. 50–51].

Это было второе сочинение в виде опровержения на кантовское произведение: конфликт между ними начался еще в 1759 году, когда Кант отказался быть оппонентом на защите диссертации Веймана «О мире не самом лучшем» [33; 38], а вскоре после этого опубликовал собственную работу «Опыт некоторых рассуждений об оптимизме» (1759). Возмущенный поведением коллеги, Вейман написал «Ответ на опыт некоторых рассуждений об оптимизме» [33; 36], а через четыре года – такой же ответ на сочинение Канта «О единственно возможном основании для доказательства бытия Бога» (1763), в котором как раз и упомянул своего ученика Хмельницкого.

Десятого апреля 1767 года Хмельницкий получил титул доктора философии⁸. Вероятно, это случилось после защиты в том же году диссертации, посвященной дипломату и государственному деятелю Никите Ивановичу Панину (1718–1783) [21]⁹. В ней автор отрицал возможность рабства по основаниям естественного права. Похоже, после этого началась и преподавательская деятельность Хмельницкого в Кёнигсбергском университете (по другим данным, это произошло еще около 1763 года): в летнем семестре 1767 года он читал логику, а в зим-

⁸ См. [30, S. 354, Anm.]. Утверждение современных украинских авторов о блестящей защите Хмельницким докторской диссертации в Кёнигсберге не в 1766–1767, а в 1764 году «в присутствии всемирно известного Иммануила Канта» [16, с. 167] никакими известными мне источниками не подтверждается. Более того, хотя Кант к 1764 году и стал приобретать некоторую известность в немецких землях, всемирно знаменитым он на тот момент явно не был. И уж совершенно точно Хмельницкий не удостоивался чести, вопреки утверждению украинских авторов, быть приглашенным на профессорскую кафедру в Кёнигсбергский университет: таковой на тот момент и в течение еще нескольких лет не обладал даже Кант, а Вейман – учитель и покровитель Хмельницкого – так и не добился ее в течение всей своей жизни.

⁹ См. также [28, S. 581]. В русских источниках указывается на существование работы Хмельницкого «О родстве по законам природы и правам народным» [1, с. 362–363], но обнаружить ее мне не удалось. Не числится она и в сборниках русских печатных книг XVIII века, поэтому я не могу исключить, что указание на русский перевод возникло из неправильной трактовки, допускающей двусмысленность фразы в словаре митрополита Евгения [6, с. 240].



нем семестре 1767/68 годов объявил курсы по метафизике, практической философии по Крузию, теоретической физике и естественному праву [30, S. 358].

К сожалению, большего о преподавании Хмельницкого в качестве приват-доцента в университете Кёнигсберга во времена приват-доцентства Канта мне узнать не удалось. В недавнем издании анонсов лекций преподавателей Кёнигсбергского университета его имя не упоминается [35]. Вероятнее всего, никаких университетских документов на сей счет не сохранилось. Возможно, последним, кто мог работать с этими документами, был как раз Оляничин. Более того, незадолго до начала Второй мировой войны он даже проанонсировал свою специальную статью о Хмельницком, которая, похоже, так и не была опубликована¹⁰.

К периоду преподавания в Кёнигсберге относится и уже немецкое сочинение Хмельницкого «Мысли по вопросу: обладает ли Бог более, нежели одной единственной, основной бесконечной силой»¹¹. Согласно Вернеру Штарку, исследовавшему архивные материалы, Хмельницкий столкнулся с серьезными цензурными трудностями на теологическом факультете Кёнигсбергского университета при попытках публикации данного сочинения¹². Он утверждал в своей работе, что в Боге существует больше, чем одна основная сила. В человеке он усматривал необходимость особенных сил для воления, действия, сознания, но не ограничивался ими. По мнению Хмельницкого, человек не

¹⁰ В послевоенной статье Оляничин рассказывает о двухлетней работе в кёнигсбергских архивах примерно в 1936–1937 годах и упоминает свою раннюю публикацию в журнале «Kurgios», однако о Хмельницком в этой новой работе ничего не говорится [10, с. 134, 136, примеч.].

¹¹ Согласно Оляничину, работа вышла в Риге в 1767 году [30, S. 355, Anm.]; в то же время в каталоге университетской библиотеки Аугсбурга это сочинение числится опубликованным в 1766 году без места издания [22]. Именно в собрании «Göttingen-Wallerstein» университетской библиотеки Аугсбурга и хранится единственный известный мне экземпляр этого сочинения. Подчеркивается отсутствие указания места издания и издательства произведения Хмельницкого, посвященного канцлеру М.И. Воронцову, и в современной ему рецензии [26, S. 28].

¹² Штарк на основе материалов Тайного прусского архива (GStAPK. XX. NA, EM 139 k. №46) установил, что теологический факультет отказал в разрешении напечатать сочинение Хмельницкого в 1765 году. Девятого сентября того же года Хмельницкий написал жалобу в министерство, но после отрицательного отзыва теологического факультета от 18 сентября был утвержден окончательный отказ в печати 23 сентября 1765 года. На этом основании Штарк предположил, что работу Хмельницкого так и не напечатали [34, S. 148], однако она была опубликована за пределами Пруссии.

способен представить в Боге большее число основных сил, нежели есть у него самого; в то же время более высокие духи, возможно, имеют большее число сил и могут представить, соответственно, большее число сил и в Боге. Он пытался также показать различия и модификации этих разных основных сил¹³. Содержание этого сочинения¹⁴ известно мне лишь по анонимной рецензии. Только недавно благодаря публикации очередных материалов в собрании сочинений Иоганна Генриха Ламберта (1728–1777) стало ясно, что именно этот неординарный мыслитель и является ее автором [27, S. 477–483].

Вернулся в Россию Хмельницкий, похоже, не совсем добровольно¹⁵, а потому, что в его услугах стали нуждаться в Санкт-Петербурге при создании правительственной комиссией проекта нового уложения. Поскольку Хмельницкий был известен как автор работы по проблемам рабства и законов, он, видимо, хорошо подходил для этой деятельности. Хмельницкий стал обер-секретарем Сената, а со временем получил чин статского советника и выстроил себе в столице дом. Несмотря на то что в Санкт-Петербурге Хмельницкий располагал, похоже, всеми возможностями для занятий наукой, в том числе философией, его оригинальные работы, написанные по возвращении из Кёнигсберга, не известны. Однако он осуществил несколько переводов с немецкого языка, прежде всего перевел работу Яна Амоса Коменского (1592–1670) [13]. В эпитафии на сохранившемся надгробном памятнике Хмельницкому в Александро-Невской лавре, сочиненной Василием Григорьевичем Рубаном (1742–1795), как раз и упоминается этот перевод Коменского («Зримый в лицах свет») наряду с характеристикой покойного как знатока законов.

Как бы сложилась философская и академическая судьба Хмельницкого, если бы он остался преподавать в Кёнигсберге? На этот вопрос можно лишь выдвигать спекуляции разной степени обоснованности. Нужно, однако, не забывать о том, что в философском плане Хмельницкий был сторонником учения Христиана Августа Крузия (1715–1775). Иным крузианцам в Кёнигсбергском университете (включая, в первую очередь, его академического учителя Веймана) эта при-

¹³ См. [26, S. 28–34]. Ср. также у Веймана: «Должно ли в божественной сущности созерцать более, нежели одну силу?» [39, S. 33, §7].

¹⁴ Единственный обнаруженный мною экземпляр этого сочинения, хранящийся в собрании «Göttingen-Wallerstein» университетской библиотеки Аугсбурга, остался для меня недоступным.

¹⁵ Согласно архивным материалам, в 1768 году Хмельницкому были выделены деньги для уплаты долгов и проезда из Кёнигсберга в Санкт-Петербург; см.: РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 3882. Л. 238 об.



верженность обошлась очень дорого. Все они в 70-е годы XVIII столетия оказались жертвами административного преследования со стороны прусского правительства, в результате чего вынуждены были на долгое время покинуть университет. Учитывая все эти обстоятельства, можно предположить, что Хмельницкому, вероятно, все же повезло, когда его в конце 60-х годов вызвали из Кёнигсберга в Санкт-Петербург.

Список литературы

1. Аноним. Хмельницкий, Иван Парфентевич // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21.
2. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. М., 1986.
3. Болотов А. Т. Письма его к Н. Е. Тулубьеву, лейтенанту, с которым Болотов жил в Кёнигсберге в 1760 г. 1760—1761 гг. // ОР ИРЛИ. Ф. 537. Д. 29. Л. 14.
4. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960—1962.
5. Дополнительный сводный список известных в каком-либо отношении духовных и светских лиц из воспитанников Киевской Академии // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. 2. Киев, 1908. Т. 5, №133.
6. Евгений, митрополит [Болховитинов Е. А.]. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2.
7. Новиков Н. И. Избр. соч. М., 1954.
8. О награждении докторскими степенями в Кёнигсбергском университете. 1720 г. // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 53.
9. О русских студентах в Кёнигсберге и о долгах их. 1718 г. // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 52.
10. Оляничин Д. Г. З моїх архівних дослідів в Німеччині від 1925 до 1938 р. // Наукові записки. Український вільний університет, філософічний факультет. Мюнхен, 1965—1966. Ч. 8.
11. Петров Н. И. Киевская академия в гетманство Кирилла Григорьевича Разумовского (1750—1763 гг.) // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1905. Кн. 5.
12. Рождественский Ф. Самуил Миславский, митрополит Киевский (с 70 письмами, напечатанными с рукописей Киево-Софийского собора и Киевской консистории). Киев, 1877.
13. Свет зримый в лицах; Величие и многообразность Зиждителейых намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненные физическими и нравственными изображениями, украшенными достойным сих предметов, словом: в пользу всякаго состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам и другим художникам. СПб., 1773.
14. Ученая переписка префекта Киевской академии Самуила Миславского с профессором Христианом Баумейстером. Июль—ноябрь 1758 г. // Акты и



документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отд. 2. Киев, 1908. Т. 5, №38.

15. *Филарет, архиепископ (Гумилевский Д. Г.)*. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. Кн. 2.

16. *Хижняк З.І., Маньківський В.К.* Історія Києво-Могилянської академії. Киев, 2003.

17. *Amburger E.* Beiträge zur Geschichte der deutsch-russischen kulturellen Beziehungen. Gießen, 1961.

18. *Arndt H.-W.* Vorwort // *Baumeister F. Chr.* Philosophia definitiva. Wien, 1735.

19. *Buck F. J.* Geschichte des Herrn Friedrich Johann Buck, ordentlichen Professor der Logik und Metaphysik auf der königl. Universität zu Königsberg // *Das Neue Gelehrte Europa*. Tl. 20. Braunschweig ; Wolfenbüttel, 1775.

20. *Chmelnitzki J.* Dilucidatio principiorvm ontologicorvm, qvam consentiante amplissimo philosophorvm ordine ervditorvm examini placido svb praesidio M. Danielis Weymani, opponentibvs Carol Friderico Siegwitz... Daniele Ficht... Henrico Ernesto Bertram... Joanne Christophoro Dmvschewski... subiicit Johannes Chmelnitzki, Russus. Mathem. nec non Philosoph. Cvlt. Königsberg, 1762.

21. *Chmelnitzki J.* Dissertatio philosophica, de servitvte minvs toleranda ob rationes ex jvre natvre gentivm allatas quam consensv amplissime Facvltatis Philosophicae pro receptione in eandem Placido ervditorvm examini subicit Praeses Johannes Chmelnitzki, Respondente Theophilo Theodoro Weber... Opponentibvs Christophoro Schoenich... et Johanne Bialas... et Johanne Godofredo Mittivede. Königsberg, 1767.

22. *Chmelnitzki J.* Gedanken über die Frage: Ob Gott mehr als eine einzige unendliche Grundkraft besitze? entworfen und der gelehrten Welt zur genaueren Prüfung übergeben von Johann Chmelnitzki. 1766.

23. *Chmelnitzki J.* Gravia quaendam psychologiae dogmata sub incudem revorata. Königsberg, 1763.

24. *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg* i. Pr. Leipzig, 1911 – 1912. Bd 2.

25. *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preussen. Köln, 1968. Bd 2.

26. [*Lambert J. H.*] *J. Chmelnitzki Gedanken über die Frage: ob Gott mehr als eine einzige unendliche Grundkraft besitze? 1766* // Allgemeine deutsche Bibliothek. Kiel, 1769. Bd 8.

27. *Lambert J. H.* Philosophische Schriften. Hildesheim, 2007. Bd 8, Tl. 2.

28. *Meusel J. G.* Chmelnitzki (Johann) // *Das gelehrte Teutschland oder Lexikon der jetzt lebenden teutschen Schriftsteller*. Lemgo, 1796. Bd 1.

29. *Mühlpfordt G.* Christian Wolffs Lehre im östlichen Europa // *Aufklärung*. 2001. Bd 12/2.

30. *Oljančyn D.* Aus dem Kultur- und Geistesleben der Ukraine // *Kyrios. Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas*. 1937. Bd 2.

31. *Pisanski G. Chr.* Entwurf einer preußischen Literärgeschichte in vier Büchern. Königsberg, 1886.



32. *Richter*. Baumeister, Friedrich Christian // Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1875. Bd 2.

33. *Sgarbi M.* The Kant – Weymann Controversy. Two Polemical Writings on Optimism. Verona, 2010.

34. *Stark W.* Hinweise zu Kants Kollegen vor 1770 // Studien zur Entwicklung preußischer Universitäten. Wiesbaden, 1999.

35. *Vorlesungsverzeichnisse* der Universität Königsberg (1720–1804). Stuttgart ; Bad Cannstatt, 1999. Bd 1, 1–1, 2.

36. *Weymann D.* Beantwortung des Versuchs einiger Betrachtungen über den Optimismus: Den 14. October, 1759. Königsberg, 1759.

37. *Weymann D.* Bedenklichkeiten über den einzig möglichen Beweisgrund des Herrn M. Kants zu einer Demonstration des Daseyns Gottes. Zweiter Theil der philosophischen Labyrinth. Königsberg, 1763.

38. *Weymann D.* Dissertatio philosophica de mundo non optimo quam consentiente amplissimo philosophorum ordine pro receptione in eundem defendet in auditorio philosophico M. Daniel Weymann, respondente Joanne Christiano Granow, Stolp. pom. S.S.T. stud. opponentibus, Joanne Bernhardo Schlemüller, Dörsch. lith. U.I.C. Ernesto Christophoro Schultz, Reg. prusso. theol. stud. et Joanne Jacobo Kaeyser, Reg. prusso, philos. et theol. stud. die vito octobris A. MDCC LIX. Königsberg, 1759.

39. *Weymann D.* Ein wahrer Heyland durch die Vernunft erwiesen nach Anleitung des Religions-Edicts. Zum Gebrauch der Feldprediger. Königsberg, 1790.

40. *Wolff Chr.* Gesammelte Werke. Hildesheim, 1978. Abt. 3, Bd 7.

41. *Zedler J.H.* Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste, welche bißhero durch menschlichen Verstand und Witz erfunden und verbessert worden. Halle, 1751. Bd Suppl. 3.

Alexei Kruglov

I. P. KHMELNITSKY AT THE KÖNIGSBERG UNIVERSITY OF THE 18TH CENTURY

This article offers a review of the activities of I.P. Khmelnsky at the Königsberg University of the 1760s, examines the ideational and philosophical context, and identifies the role and position of Khmelnsky in the intellectual polemics of the mid-18th century. The author emphasises that D. Weymann referred to Khmelnsky's works when debating with I. Kant.

Key words: I. P. Khmelnsky, history of philosophy, Königsberg University.



ИСТОКИ

«Монологичность» эпохи обуславливала и «монологичность» в области литературоведческих позиций и мнений, так как после книги Д. С. Лихачева по проблеме человека на протяжении четырех десятилетий не появилось никаких крупных работ и не высказывалось иных мнений. Но это лишь на первый взгляд. Если же внимательно всмотреться в труды не менее известных исследователей того времени, то можно заметить, что внутренняя полемика в те годы, конечно, была — ее можно усмотреть в работах В. П. Адриановой-Перетц и С. С. Аверинцева.

Людмила Дорофеева